Свора девчонок

Автор:
Кирстен Фукс

Свора девчонок

Кирстен Фукс

Встречное движение

Родители отправляют пятнадцатилетнюю Шарлотту на летние каникулы в лагерь для девочек на природе. Там с самых первых минут одна за другой происходят необъяснимые вещи. И когда руководительница лагеря начинает вести себя пугающе странно, девчонки решают бежать. Они крадут фургон с собаками и отправляются на заброшенную старую штольню в Рудных горах – навстречу захватывающим летним приключениям и настоящей свободе.

Кирстен Фукс

Свора девчонок

Kirsten Fuchs

M?DCHENMEUTE

The translation of this work was supported by a grant from the Goethe-Institut.

Original title: MADCHENMEUTE

Author: Kirsten Fuchs

Copyright © 2015 by Rowohlt Berlin Verlag GmbH, Berlin

Издание этой книги осуществлено при финансовой поддержке Немецкого культурного центра им. Гёте

Серия «Встречное движение»

© Горбова А., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательский дом «Самокат», 2019

* * *

«Свобода! О ней же столько песен! Только ведь свобода – это для кого-то вроде животных. Так я думала раньше. Это было совсем не про меня. Свобода – это про других. Про другие страны, про другие эпохи. Когда я сидела у себя дома, я там и хотела оставаться. А тут вдруг я свободна… В этот самый момент! И все пахнет свободой. Свободной ночью, свободной луной, свободной травой и свободным небом…»

Роман «Свора девчонок» молодой немецкой писательницы Кирстен Фукс вошел в международный каталог лучших книг для детей «Белые вороны» и стал лауреатом Немецкой детско-юношеской литературной премии. На родине книга выдержала уже четыре переиздания.

«Свора девчонок» – многослойный, динамичный, насыщенный яркими образами роман. Эта робинзонада в непривычных для немецкой литературы ландшафтах приглашает подумать об очень важных вещах: о дружбе, о своей роли внутри группы, о том, что такое свобода.

Жюри Немецкой детско-юношеской литературной премии

В «Своре девчонок» Кирстен Фукс удалось найти такое сочетание наивности, живого подросткового языка и глубокого смысла, которое ставит эту книгу в один ряд с классическими образцами английской приключенческой литературы.

Die Zeit, Йенс Йессен

Моей дочери

Часть первая

Лагерь

В то лето я перестала жутко краснеть, когда нужно произнести больше трех слов подряд. А еще заработала шрам на правой руке и первый поцелуй. И даже немножко прославилась. Но всё по порядку…

В один прекрасный день мама подсунула мне газетное объявление: «Отличные каникулы в школе выживания на природе “Дикие девчонки”». Мускулы для пожимания плечами были у меня отлично натренированы, и среди пятнадцатилетних девчонок в суперлегком весе мне, можно сказать, не было равных.

Мама, конечно, знала, что пожимание плечами может означать и «да», и «нет», но чаще всего – «нет».

– «Лагерь расположен в Бад-Хайлигене», – прочитала она. – Это популярный курорт. Там еще жил этот художник…

– А, этот! – поддакнула я.

Три недели спустя мама вручила мне анкету с заявкой на участие. Судя по выражению ее лица, в этот момент я должна была броситься ей на шею с радостным визгом: «Мамуль, ты просто лучшая!» Мама у меня явно телевизора пересмотрела.

– Видишь, туда даже нужно заявку посылать и проходить отбор. Наверняка в этот лагерь хочет попасть куча народу. Только представь, если из множества кандидаток выберут именно тебя!

Для меня это звучало примерно так, как если бы в ту самую секунду, когда ты наступаешь в остатки собачьего дерьма, из кустов вдруг выскакивает чувак с воздушным шариком и плакатом в руках: «Поздравляем! Вы сотый посетитель этой собачьей кучи!».

– Или тебе больше хочется поехать к бабушке?

Я пожала плечами. Самое захватывающее, что может случиться в бабулиной деревне, это самопроизвольное обрушение какого-нибудь древнего сарая. Обитают в этой дыре одни старухи – мужья у них у всех перемерли. Единственная местная достопримечательность – аптекарский сын. Вдовушки таскаются к нему чуть ли не каждый день.

Оказавшись в деревне, через пару минут я начинаю покрываться плесенью. Бабуля непременно интересуется, не подстриглась ли я. Ей почему-то все время хочется разговаривать про волосы. Наверное, потому что у нее самой их почти не осталось – разве что пара волосинок на подбородке.

Мать с отцом постоянно горбатятся в огороде. Выйдешь из дому – тут же заставят помогать. А в доме некуда деться от орущего «Телемагазина» – бабушке нравится именно этот канал, хотя заказывать она никогда ничего не заказывает.

Так почему бы вместо всего этого не отправиться в школу выживания?

Мама высказывалась в том смысле, что мне подобная поездка пойдет на пользу. Так, в общем, и вышло – только мама наверняка имела в виду пользу другого рода…

Время шло, и мне все больше хотелось поехать с родителями к бабушке. Аптекарский сын действительно симпатяга. «Просто загляденье», как выражается бабушка. Может, мне бы даже удалось в него влюбиться, и тогда пункт подростковой программы под названием «влюбленность» был бы выполнен.

В кафе рядом с аптекой и интернет есть. Так что берешь себе мороженое и, пока оно тает, щелкаешь головоломки профи-уровня на соответствующем форуме. Ник у меня там umnaya masha. На этом форуме можно еще придумывать свои задачки и раздавать за них очки. Тем, кто быстрее нащупает правильный ответ. В начале лета я была в лидерах.

А еще в деревню можно взять кучу книжек. Я просто глотала приключенческие романы. И детективы. Один за другим. В общем, я уже было начала надеяться, что в лагерь меня не возьмут. Да и с чего бы? Я же не походник, не скаут, ничего такого.

А потом принесли толстый конверт, который даже в почтовый ящик не помещался. Девушке-почтальону пришлось в дверь звонить. Мне через матовое

стекло было видно, как она стоит снаружи и рассматривает конверт. Почтальоном у нас работает девчонка из соседнего городка, она как раз в этом году прошла практику на почте.

– Вам письмо, – сказала она. Год назад мы были бы еще на «ты».

На конверте – три наклейки. Такие, на которых печатают адрес. На одной и был собственно мой адрес. На второй написано «Дикие девчонки». А на третьей – «Ты не нужна лесу. Лес нужен тебе». Внутри – еще круче: «Поздравляем, ты классно проведешь лето!!!» Три восклицательных знака. Правда, что ли? Потом шло объяснение, почему лучше не брать с собой мобильники. В лагере мы освоим ориентирование. Без всякой техники и интернета. Нам предстоит действовать и думать самостоятельно, чувствовать природу. Внизу – маленький листочек, отрывается по перфорации. Настоящим даю согласие на временное изъятие мобильного телефона у моей дочери, многоточие; в случае обнаружения у нее при себе мобильного устройства, бла-бла-бла, оно может быть изъято на все время пребывания в лагере. Законный представитель несовершеннолетнего один, законный представитель несовершеннолетнего два.

Я была совершенно уверена, что моя мать на такое не пойдет. Не отправит меня в лес без телефона. Она наигранно засмеялась, запрокинув голову. Да-да, для меня это будет неплохая смена обстановки. Иногда мама ведет себя так, будто начиталась чего-то про подростков и путает меня с ними только потому, что я подхожу по возрасту. Можно подумать, я постоянно пялюсь в телефон! У меня было две подруги. Во-первых, наша кошка Пушильда, для домашних – Пушка. Во-вторых, наша соседка Северина. Когда нам нужно было поговорить, мы просто открывали окна в детских, высовывались и кричали. Мы делали так всегда. И хотели, чтобы так продолжалось и дальше. Мы мечтали, как после школы поедем учиться в Потсдам и будем снимать там маленькую квартирку на двоих. Тогда бы и из окна не нужно было высовываться.

Эту бумажку про мобильники вместе с заполненной заявкой нужно было отправить обратно. На адрес в каком-то Шлухнове. Я понятия не имела, где это. Впрочем, и звучало это название так, будто одни только шлухновцы его и знают.

Еще в конверте от этих «Диких девчонок» оказалась куча всякой мелочевки: лупа, сигнальный свисток, складной стаканчик для чистки зубов. И на всем было изображение умной белочки Смекалочки. На шее – черный галстук, а вместо ушей с кисточками – две косички. Выглядело все это добро так, словно

появилось на свет еще во времена детства моих родителей и с тех пор совершило кругосветное путешествие в грузовом контейнере: лупа поцарапана, складной стаканчик самопроизвольно складывается, а из свистка сыплется песок. Неужели обязательно, чтобы все эти штуки были такими потрепанными, типа специально состаренными? Как когда делают карту сокровищ и подпаливают зажигалкой края? Это что, лагерь для десятилеток?

Я спросила у мамы, что в объявлении говорилось про возраст участников. Она отыскала газетную вырезку. Крошечная бумажка. Наверняка из самых дешевых объявлений, которые можно подать в газету. Там было написано «от четырнадцати лет». Тут я испугалась: ведь там могут быть и восемнадцати-, и даже девятнадцатилетние девушки. А они же другие, не такие, как я. Рядом с ними я всегда чувствовала себя фруктовой мушкой.

Наконец я нашла в конверте еще один листок. Список вещей, которые необходимо взять с собой, и того, что брать не стоит. Не нужно было брать, например, фонарик – «предоставляется лагерем». Нужны были спальный мешок, пинцет для извлечения клещей, зажигалка, трекинговая обувь (походных ботинок у меня не было, пришлось покупать специально), накидка от дождя (ее тоже не было; мы купили дешевую; лучше бы взяли что-нибудь подороже), нож в футляре или складной (и этого у меня не было; дал папа со словами, что этот нож трижды ему спасал жизнь, и настоятельным требованием привезти его обратно; да-да, сказала я), часы со стрелками (опять – мимо; мы купили дешевые; тут тоже не надо было скупиться – дешевые часы остановились, промокнув на третий день поездки, когда все только-только начиналось).

В день отъезда, когда мама везла меня к автобусу, я все еще надеялась, что меня кто-нибудь возьмет и похитит. Место встречи – берлинский автобусный вокзал. Отправление – 21 час.

– Классно как, что вы ночью приезжаете! – мама похлопала меня по бедру. – Это же круто!

– Не, не круто, – отозвалась я. Практичная куртка для досуга на свежем воздухе зашуршала, когда я скрестила руки на груди.

Припарковаться у автовокзала мама не смогла, и никто из девчонок, с которыми я должна была провести следующие недели, не видел, как я выхожу из этой немыслимой машины. На ней написано «Кристальная чистота – Новак и Новак». Я ненавижу эту машину, потому что в ней только два места спереди. Сзади, среди грохочущих швабр и ведер, еще крошечное откидное сиденье с ремнем безопасности на бедрах. Когда мы ездим втроем, я сижу сзади и ничего не вижу – окна-то заклеены рекламой. Никогда, никогда, никогда на этой машине не будет надписи «Новак, Новак и Новак»!

Но в тот день, когда мы уезжали в лагерь, я ехала спереди. Сзади стоял мой рюкзак. Прежде чем выйти из машины, я посмотрелась в зеркало заднего вида.

– Тебе очень идет, – подбодрила меня мама. Накануне она подстригла мои темно-русые волосы, оставив длину где-то до подбородка. Это должно было скорректировать вытянутую форму лица. Впрочем, от длинного носа и такая стрижка не помогала.

– Вообще, ты немножко похожа на принцессу Диану, – продолжила мама. Я захлопнула дверцу и поковыляла в своих новых трекинговых ботинках за ней следом.

Автобус нашего лагеря найти оказалось несложно. На боку у него краской из баллончика было выведено «Дикий лес для диких девчонок». Выглядел этот драндулет так, словно в свое время хотел стать большим автобусом.

Водитель взял у меня рюкзак. Низенький, худой человечек с лицом цвета желтой сливы. Козырек когда-то белой бейсболки тоже желтый – от табачного дыма. Курил он и пока укладывал мой рюкзак в багажник. Там уже лежало несколько сумок. Я успела заметить потертый армейский рюкзак и блестящий сиреневый чемодан.

Тут водитель захлопнул люк.

– Ну, залазь внутрь! – хрипло скомандовал он.

Заходить в автобус последней – один из моих любимых кошмаров. Хуже только делать сообщение о важнейших изменениях в теле человека в подростковом возрасте: я стою перед всей школой, и каждый раз, когда открываю рот, пытаясь что-то сказать, все кричат: «Раздевайся!» – учителя в том числе.

Я сразу предупредила маму, что не хочу приезжать впритык и надо выехать пораньше. Только вот ей все кажется, что ни ей, ни машине время нипочем. Маме вздумалось сделать себе какую-то умопомрачительную укладку. На это ушло полчаса! И в результате она стала похожа на нашу Пушильду, увидевшую на своей территории ненавистного кота. Ну вот честно, не знаю, почему все говорят, что родителям с детьми приходится тяжело. Они же вообще ничего такого не делают!

– Мы – Шарлотта Новак, – сказала мама темноволосой женщине, стоявшей в автобусе у водительского места. Я была еще наполовину снаружи.

– Здравствуйте, госпожа Новак. Привет, Шарлотта. Мы тебя уже ждем. – Женщина чуть шевельнула рукой – зазвенели браслеты. На шее у нее висело четыре нитки бус с бусинами размером с кукольный глаз.

Женщина скривилась в улыбке так, будто у нее ужасно болят зубы. Прическа как у человечков из лего – это же парик, да? Если не считать жилетки с сотней карманов, выглядела эта дама совершенно не по-походному.

Она протянула маме руку. Наверное, желтый лак у нее на ногтях светится в темноте. Ну да, так будет удобнее ночью искать дорогу к сортиру или отпугивать диких кабанов. И вообще она настоящее пугало для кабанов. А вид-то чего такой напряженный?

Это Бруно, сказала женщина, кивнув на водителя. Сама она – Инкен. Ответственное лицо. Она будет за мной присматривать. Я почему-то сразу поняла, что она врет, – к тому моменту, когда мама желала мне классно провести время и обнимала на прощанье, уж точно.

В автобусе стоял спертый подвальный запах. За водительским креслом была навалена куча непонятных мешков. С узором из котиков. Пятнадцать одинаковых мешков, все завязанные. Пахло именно от них.

Я беспомощно оглядела салон автобуса. Узкий проход, по два сиденья справа и слева, раз, два, три, четыре ряда.

Все места у окон заняты. Впереди, сразу за водителем, сидит девочка, которой уж точно четырнадцати еще нет. Такая светленькая, круглолицая и курносая. Если сесть рядом с ней, наверняка придется ее удочерить.

Дальше – девчонка с лохматыми темными волосами. Она будто буравит взглядом дыры в стекле. Ее место рядом с молотком для разбивания стекол при аварии, и кажется, что села она туда не случайно. Мне она сразу показалась крутой.

Девчонка быстро взглянула на меня. Глаза у нее ярко горели.

– Рядом со мной занято. Тут моя придурь сидит, – прошипела она.

Так я познакомилась с Беей. Про себя я поначалу так ее и называла – Девочка с Придурью. Нас было – раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь. Со мной – восемь.

Когда автобус перестал покачиваться, я проснулась. Потерла глаза, но это не помогло: снаружи стояла непроглядная ночь. В свете фар были видны деревья. Много деревьев. Значит, лес.

Рядом со мной проснулась Мимико. Она из Райнсберга. Отец у нее японец, а мама – немка. Здесь она оказалась, потому что ее родители решили, что их дочка слишком редко бывает на свежем воздухе. Она тайком показала свой телефон и тут же снова спрятала его в карман куртки. Мимико мне подмигнула, я кивнула в ответ.

В автобусе зажегся свет.

– Так! Все на выход! – послышался прокуренный голос из динамиков у нас над головами. Потом водитель закашлялся в микрофон. – Извините! – сказал он, когда приступ кашля закончился. – Приехали. Мы на месте.

Все зашевелились на своих местах. Стали вертеть головами. Перешептываться и зевать.

Мы начали выходить из автобуса, я вылезла предпоследней. Посмотрела вверх, на блеклую луну над кронами деревьев. Половинка, до полнолуния далеко. Вокруг было очень темно, и лунный свет казался очень ярким. В городе такая половинка вообще света не даст. Там ведь каждый фонарь как маленькая луна. Слегка моросило, крошечные капли будто не двигались, а висели в воздухе. Лесом пахло так сильно, что мне стало немного не по себе. Вообще-то я любила бывать в лесу, но лес для меня был таким местом, где хорошо, когда светло. Я еще раз принюхалась к влажному воздуху. Временами откуда-то доносилась непонятная жуткая вонь. И запах горелого.

– Девочки! Ко мне! – позвала наша руководительница. Она стояла в конусе света фар. В руке – зонт. Пряталась от двух капель. Ей едва удавалось сжимать его ручку в кулаке так, чтобы не пропороть ногтями вены на запястье. На плече у нее висел мешочек с кошачьим рисунком. При каждом движении там что-то бряцало вместе с ее браслетами.

– Еще раз повторяю для всех: я – Инкен, ответственное лицо. Добро пожаловать. Желаю вам хорошего отдыха. От своего имени, от имени всей нашей команды и… – тут она захохотала как тюлень, – и от имени Смекалочки.

Рядом со мной блевала Мимико.

Инкен, несмотря на всю свою ответственность, не считала необходимым реагировать на эти звуки и продолжала:

– Вообще-то мы планировали устроить ночевку под открытым небом. В полном контакте с природой, так сказать. Но, к сожалению, с погодой нам сегодня не очень повезло. Поэтому мы пересмотрели наши планы и приняли решение на эту ночь разместить вас в базовом лагере. У меня даже зонтик всего один. К сожалению, к большому сожалению. А впрочем, диким девчонкам зонты ни к чему! Правда?!

Девочки накинули капюшоны – моросило все сильнее. Рядом со мной Мимико вытирала рот носовым платком.

Казалось, Инкен ждет, не скажем ли мы хором что-нибудь в подтверждение ее слов. Может, что-то типа «Да! Подругам Смекалочки зонты не нужны!»

Ни звука. По крайней мере, с нашей стороны. А из настоящего леса шли всевозможные шорохи. По земле что-то ползло, в кустах – прыгало, выше – взлетало и носилось между верхушек деревьев. Мелкие животные обгрызали кружевные края листьев, а те, что еще мельче, выстукивали под корой короткие послания. Из глухого, темного леса доносились глухие, темные звуки, заставлявшие поверить в таких существ, которых в определителе фауны не найдешь, разве что в разделе про духов. Но страннее всего был носящийся среди деревьев свист. На высокой ноте и на низкой. Нехорошо все это, подумала я. И вдруг увидела вокруг скрючившихся людей в черном. Наверное, это кусты. А что там, за ними? Машина? Для куста слишком угловатое и большое. Может, стол для пинг-понга?

Совсем близко что-то грохнуло. Одна из девочек взвизгнула. У меня внутри всё сжалось. Девочка рядом со мной испугалась моего страха, а рядом с ней – еще одна, уже ее страха… Мы заверещали голосами разной высоты. Цепная реакция, на слух – вроде короткой песни.

– Это же просто ветка упала. Не ведите себя как курицы! Нечего кудахтать! Лесу от вас ничего не нужно. Это вам от него что-то нужно. Запомните! – сказала Инкен. – Мы приготовили вам небольшой сюрприз. Но пока не буду раскрывать секрет.

Ну, пожалуйста, подумала я, пусть сейчас придет настоящая руководительница, какая-нибудь подтянутая спортивная женщина, веселая и классная. Без бус, браслетов и ногтей, похожих на орудия убийства.

Я попыталась осмотреться. Примерно в двадцати метрах от автобуса стоял приземистый домик. Чуть дальше – еще такие же строения. В лунном свете они казались слегка зеленоватыми, как будто их выловили из воды и расставили здесь на просушку.

Инкен сказала нам разобрать из автобуса мешочки с котятами и достать вещи из багажника. Рядом с нашими рюкзаками там лежали еще большие зеленые выцветшие брезентовые мешки. Пять штук. Мы положили всё рядом с автобусом, на мокнущий песок. Наши ноги погружались во влажный его слой.

И скоро везде появились светлые следы.

А чуть позже они снова потемнели и исчезли.

Пока мы доставали вещи из автобуса, водитель ходил с фонариком где-то между строениями. Вернувшись, он что-то шепотом сообщил Инкен. Сказанное ей явно не понравилось. Она взволнованно зашипела. Разобрала я немногое. Только то, что он ей ответил.

– Не волнуйся ты так. Таблетку уже приняла?

В этот момент вжикнула чья-то молния. А потом я снова услышала надломленный голос водителя:

– Я же завтра обратно.

Я быстро отвернулась, заметив, что Инкен направилась ко мне. И взгляд у нее был какой-то странный.

– Что такое, Шарлотта Новак? – Не дожидаясь ответа, она повернулась к остальным: – Всё нужно отнести в помещение.

Каждая взяла свои вещи. Мы потянулись за Инкен, как только что вылупившиеся птенцы за странной наседкой. Не успели мы отойти от автобуса и на несколько метров, как он посигналил – голос у него оказался такой же хриплый, как у водителя, – и поехал в лес. Свет фар исчез вместе с ним. На душе стало совсем паршиво.

Что-то брякнуло, потом загорелся свет, и оттуда раздался голос Инкен:

– Все за мной! Идем!

Видимо, она надела налобный фонарик.

Глухой свист действовал мне на нервы. Это точно не зверь. Скорее, ветер свистит в трубе. Значит, ничего страшного, решила я.

За первым рядом из семи строений оказалась открытая площадка. Здесь горелым пахло сильнее. В этом тоже нет ничего страшного, решила я. Только вот был еще другой запах, гадкий. Сквозь высокую траву шла тропинка, такая узкая, что по ней даже лиса не смогла бы пробежать, не замочив шерсть утренней росой. Мы шли за Инкен гуськом. Ощущение под ногами стало другим. Мои новые походные ботинки больше не утопали в песке. Теперь они ступали по каменным плитам. В щелях – трава и молодые деревца. Звенело что-то металлическое. Дождь усиливался, ветер проверял все на прочность. Около площадки для собраний в темноте вздымались флагштоки. По ним скользил лунный свет. Тросами, которыми поднимали флаги, ветер стучал о столбы. Мимико шепнула мне, что это жопа какая-то. Я шепнула в ответ, что, по-моему, тоже, тем более оказалось, что куртка у меня промокает. За нами кто-то из девочек прошептал:

– Полная жопа…

Мы дошли до стоящего несколько в стороне строения. Оно было в три раза длиннее других. Инкен вынула из своего мешка с котиками огромную связку ключей и стала их с шумом перебирать. Потом открыла дверь и сказала, чтобы мы оставили вещи здесь и сходили еще за брезентовыми мешками.

Я старалась сделать так, чтобы все время и передо мной, и за мной кто-то был. Это было нетрудно, потому что остальные девочки делали точно так же, – мы все время держались вместе. Только Девочка с Придурью – чуть поодаль. Но с ней-то рядом была ее Придурь.

Когда мы всё перенесли под крышу, Инкен указала на мешочки с котиками.

– Каждая берет себе набор для ночевки. В нем имеется плед, практичное полотенце, три предмета походной посуды – тарелка, миска и кружка, – все от Смекалочки, веселой, э-э-э… находчивой – ну, вы знаете. А сейчас следуйте за мной для размещения на ночлег.

Говорит прямо как чиновник какой-то. В замороженной пицце душевного тепла и то больше. Эта тетка наверняка даже завтрак называет «утренний прием пищи» или как-нибудь в этом духе.

Рядом со мной вдруг оказалась маленькая светловолосая девочка. Все в ней как будто колебалось. Она была в том возрасте, в каком мы обычно котят раздаем. Еще миленькие, но ходят уже не боком. Так же внезапно, как она оказалась рядом со мной, девочка на мне повисла. Значит, теперь я ее все-таки удочерила. Ее длинные светлые волосы щекотали мне руку. Детским голоском она сказала, что ее зовут Антония. Мне показалось, что от нее пахнет ванилью. Может, она на самом деле печенька.

Инкен вывела нас на веранду с крышей из волнистого пластика. По нему, по этому волнистому – или рифленому? как это правильно называется? ну не суть – пластику барабанил дождь. Инкен сложила свой зонт и прислонила его к стене; там он стоял и на следующее утро.

– А сейчас самое время для сюрприза.

Она сняла с плеча побрякивающий мешочек и дала каждой из нас запустить туда руку. Там оказались прямоугольные фонарики со Смекалочкой. Выглядели они так, как раньше представляли себе будущее.

– Сейчас в них отсутствуют батарейки. К сожалению, к большому сожалению. Но, конечно, чуть позже мы их вам обязательно предоставим.

О каком таком «мы» она постоянно говорит? Имеется в виду, что вернется водитель автобуса?

– Ну? Классные штуки, правда? – спросила Инкен.

Девчонки молчали. С таким же успехом Инкен могла бы раздать еловые шишки. Будь у нас много шишек, мы бы могли ими кидаться в разные стороны и во что-нибудь да попали. Это почти как фонарик.

Один фонарик в мешочке у Инкен оказался лишним.

– Девочки! – закричала она. – Кого-то не хватает!

Маленькая Антония заплакала.

Другая, очень красивая девочка сделала вид, что плюет через плечо.

Я бы тоже с радостью что-нибудь изобразила. Вот соседский пес всегда начинает чесаться, когда не знает, что предпринять дальше.

– КОГО НЕТ? – завизжала на нас Инкен, будто отсутствующая была среди тех, на кого она орет. И сразу после этого пролепетала: – Ну, девочки, кого нет? – Тон изменился молниеносно, словно по волшебству.

Не хватать могло только Девочки с Придурью. Я вполне ясно представила себе, что она двинулась в обратный путь домой, что-то напевая себе под нос. Она-то точно знает, как заставить волка выть.

– Той, с короткими волосами, – сказал кто-то в темноте.

Инкен захрипела… А потом заорала так, что листья на редких среди сосен лиственных деревьях свернулись и стали похожи на иголки:

– ТАБЕЯ ФРАНК!

Послышались приближающиеся шаги.

– Я была за туалетами, по делам. То есть корпус с туалетами закрыт, но запах от него такой, что внутрь и не хочется.

Инкен бросилась к Девочке с Придурью, которую, значит, звали Табея Франк, и попыталась ее обнять. Потом сорвала налобный фонарик с головы и осветила себе лицо. Другую руку положила на сердце:

– Вся ответственность за вас лежит на мне. Девочки, не делайте глупостей, ладно? Мы посреди леса. Ни в коем случае, ни при каких обстоятельствах вам нельзя уходить одним. Я обещала вашим родителям, что буду за вами присматривать. Я же при вас говорила. И я сдержу слово!

Она осмотрела нас всех одну за другой. Либо эта женщина просто не умела делать ласковое выражение лица, либо специально хотела выглядеть как застрявший между дверьми хорек. Потом она выключила хорька, скомандовала

«все за мной!» и пошла вперед.

– Я хочу получить свой чемодан, – одна из девочек стояла перед домиком и не двигалась. Я видела в темноте ее профиль. Острый нос, острый подбородок. – Я хочу взять свои вещи!

– Это называется «мне бы хотелось получить, пожалуйста», Иветта, – сказала Инкен. – Сейчас время отдыха, набор спальных принадлежностей у вас есть. Это же школа выживания! Мы тут для приключений!

С этими словами Инкен снова надела фонарик на лоб и двинулась дальше.

Что делать, когда единственный источник света удаляется? Мы пошли за ней. Антония тут же снова схватилась за мою руку. Мы сделали несколько шагов до первого домика.

– В каждом домике ночуют двое. Ты и ты, – Инкен показала на девчонок и подтолкнула их внутрь. Остальные пошли к следующему домику.

– Ты и ты, – и Антония отцепилась от меня и исчезла.

Инкен ведь не пойдет с нами в такой домик? По крайней мере, пожалуйста, только не со мной! Или еще хуже: она будет с кем-то другим, а я останусь одна. Тогда уж лучше втроем с Инкен. Это напомнило мне игру «Что ты предпочтешь?», в которую мы часто играли в школе. Что ты предпочтешь – предать свою подругу или встретиться с разъяренным питбулем? Всякие такие вопросы.

– Ты и ты, – сказала Инкен и подтолкнула к домику Иветту и Мимико. Остались только я и Девочка с Придурью, Табея Франк. Я глубоко вдохнула – по крайней мере, со мной ничего не случится. Даже если Инкен будет с нами в одном домике.

– Спокойной ночи! – сказала Инкен, посветила фонариком нам в лица и с силой захлопнула дверь. Она что, была так зла? Или просто хотела как следует закрыть дверь? И где она будет спать? Кажется, она не боялась. Лесу-то от нее ничего не нужно. Да и никому, в общем-то. Хотя водитель автобуса вроде бросал

на нее почти страстные взгляды.

Некоторое время мы просто стояли в темноте, пока глаза не привыкли. Я ощупью пошла вперед.

– Табея? – прошептала я.

– Просто Бея! – ответила она с нормальной громкостью.

Я услышала, как кто-то скребется в дверь.

– Что это? – прошептала я.

– Это я. Дверь не открывается. – Бея говорила все громче. – Она нас заперла. Она нас…

– Не может быть, – прошептала я.

– Может. Заперла. На двери нет ручки, – Девочка с Придурью казалась уже не такой крутой. Она подергала замок. А потом включила свет.

– У тебя фонарик? В списке же было написано фонарики не брать.

– Неф у мефя никафофо шертофа фпифка.

Бея засунула фонарик в рот и посветила на замок. Потом достала из кармана штанов складной нож, открыла его и стала ковырять защелку. Скоро дверь открылась. Комнату залил лунный свет. Бея выключила фонарик и спрятала его вместе с ножом.

– Может, просто спать? – спросила я.

– Ты имеешь в виду, у тебя получится заснуть тут, внутри?

– Хотелось бы, – прошептала я.

– Отлично, тогда вперед. Надеюсь, к утру ты будешь еще жива.

– А ты что, совсем уходишь? В смысле, ты вернешься?

– Схожу посмотрю, как там другие.

Кроме дождя и глухого свиста был слышен еще какой-то звук. Журчание. Вода. Неужели тут рядом водопад? Тогда я бы его слышала и раньше. В лунном свете я разглядела кровати. Точнее, одну, двухэтажную. Я закинула мешок с котятами наверх и сама полезла следом. Наверху ведь безопасно, да? В мешке был плед. Очень тонкий. И крошечный. Как для младенца. Или это вообще скатерть? Такая тощая синтетическая фигня. Я накинула плед на плечи, нащупав при этом там что-то твердое и круглое по краям. Кнопки. Я застегнула их и обхватила себя руками, чтобы согреться.

Бея все это время стояла в дверном проеме.

И с чего я взяла, что с ней будет нечего бояться? Она же просто недостаточно пуглива, чтобы хоть как-то задумываться об опасности.

– Ты не могла бы закрыть дверь? – попросила я.

– Ну, если тебе от этого станет легче…

И с этими словами она исчезла.

Отцовский нож остался в рюкзаке. Ну прекрасно, послышался папин голос. Я же дал тебе ножны, которые можно повесить на ремень, продолжал папа у меня в голове. Отвечать ему я не стала.

Конечно, мне было страшно, но было и другое чувство. Беспокойство.

Как только я начинала думать над какой-нибудь задачкой с форума головоломок, меня охватывало беспокойство, как будто я заперта в самой себе, а моим мыслям нужно побольше места, и они бьются о череп изнутри. Точно такое же беспокойство я чувствовала, сидя одна в темноте наверху двухэтажной кровати, прислонившись к грязной стене и слыша, как дождь шлепает по крыше.

Что-то во всем этом было странное. Крыша протекала. Недалеко от меня вода капала на пол. И, возможно, я все-таки не одна. Что-то прошмыгнуло вдоль стены. Чем дольше длилась эта ночь, тем чаще я спрашивала себя, а есть ли здесь вообще что-нибудь НЕстранное…

Я поплотнее завернулась в пледик со Смекалочкой. Даже я была странная. Именно я! И слово «странный» было странным. И чем чаще я его думала, тем страннее оно становилось.
Странностранностранностранностранностранностра…

– Эй! Эй, проснись!

Чей-то указательный палец стучал мне по коленке. В сумеречном утреннем свете я разглядела Бею, стоящую на ступеньке кроватной лестницы. Видно, я заснула сидя, уронив голову на грудь. Вроде сидела по-турецки, а вроде и лежала калачиком на боку – что-то среднее. Шея у меня стала позвонка эдак на три длиннее вчерашнего. Я чувствовала себя супергероем только потому, что пережила эту ночь. Женщина-соня или типа того. Самоотверженно засыпает в самых опасных местах.

– Инкен пропала. И наши вещи тоже, – объявила Бея и спрыгнула с лестницы. Бум!

Весь мой энтузиазм тут же испарился. На Инкен плевать, а вот вещи! Моя любимая куртка! Папина спортивная куртка! Я полгода назад без спросу взяла ее из шкафа – куртка с эмблемой добровольной пожарной дружины города Берница, членом которой папа раньше был. Я так ею гордилась!

Бея вышла из домика, оставив дверь распахнутой настежь. Снаружи было туманно. Ночь и день нерешительно прощались друг с другом.

Мимо окна прошла девочка, закутанная в желтый плед, – высокая, красивая. У нее была толстая коса, как будто из сдобного теста. Это она ночью, когда пропала Бея, сделала вид, что плюет через плечо.

Лестница ужасно скрипела, когда я слезала с кровати. Я постояла немного перед домиком, прислушиваясь. Журчит. Снова или все еще? Что это, водопроводный кран или писающий слон? Судя по запаху – второе. Нет, пахло даже хуже…

До меня донеслись голоса девочек. Куда это направлялась Красавица? За домиком я увидела такое, что заставило меня замереть.

В тумане вокруг парящего в воздухе огня стояли желтые монахи. В огне я разглядела Бею, вернее, ее верхнюю часть. Наверное, все это – оптический обман… В серое небо поднимался столб белого дыма. Когда я подошла поближе, странная картина рассеялась. Монахи оказались девочками в желтых пледах со Смекалочкой. Костер они разожгли на столе для пинг-понга, ножки которого потонули в высокой траве. Старый теннисный стол казался каменным плотом, плывущим по заросшей поляне. Бея стояла с другой стороны от костра, и я видела ее сквозь пламя. Полено в костре треснуло.

Некоторые девочки вздрогнули, а потом засмеялись. Ночной страх мгновенно испарился.

– …Во всяком случае, сейчас у нас только три лошади, – закончила фразу одна из девчонок. Та, что с острым носом и острым подбородком. Волосы выкрашены в фиолетовый цвет. – Ну, а ты маяк или как тебя звать? – спросила она меня.

Я не поняла, о чем она. Какой еще маяк? И тут же покраснела.

– Ой, да ты даже светишься! – добавила она, и все засмеялись.

– Это Шарлотта, – сказала Антония и подошла ко мне. Когда самая маленькая говорит за большую, большая становится меньше маленькой.

Три Лошади перевела взгляд с меня на Антонию:

– Вид у вас, как будто одна на высотном строительстве работает, а другая – на подземном.

Девочки прыснули. Сквозь хихиканье кто-то даже пытался сказать «извини», но все равно продолжал смеяться.

На мгновение мне показалось, что одна из них делает это как-то слишком резко, но тут же стало ясно, что это крик. И где-то недалеко.

Крик становился все более пронзительным и громким. Как укол через ухо прямо в центр страха.

– Мимико! – выпалила Бея и сорвалась с места.

Я быстро огляделась – Мимико нигде не было. Не раздумывая, я бросилась вслед за Беей. Она тут была единственной, кому я бы слепо доверилась. И раз она побежала и я побежала, все остальные побежали тоже. За угол одного домика, за угол второго, за третий, и дальше, дальше… Штаны Беи ширкали не переставая. Я неслась за ней, все остальные – следом. Через площадку для собраний, мимо еще одного строения; высокая мокрая трава стегала по ногам. Откуда Бея знала, куда надо бежать? Я бы не смогла так точно определить, откуда шли эти крики. Казалось, они теперь гораздо дальше. И совсем не похожи на девчоночьи. Скорее, похоже на мальчика, который пытается кричать девчоночьим голосом. Или на птицу, которая кричит как мальчик, изображающий девочку. Я все бежала и бежала… От тумана все вокруг казалось белесым. А потом крики вдруг прекратились.

Бея остановилась. Мы оказались около домика, в который прошлой ночью сложили свои рюкзаки. Дверь была открыта, хотя Инкен ее запирала.

Остальные девочки подлетели к нам как стая канареек – желтые пледы развевались у них за плечами. Они запыхались, а то, что Мимико здесь не оказалось, совершенно никого не успокоило.

– И кто же это кричал? – спросила Красавица. Она огляделась, посмотрела наверх – как будто там кто-то мог быть, вниз – словно и под землей надо было проверить. Казалось, она слегка не в себе. Потом эта девчонка снова плюнула через плечо. Это что, что-то магическое?

Больше всего нас беспокоило, что пропали вещи. Моя куртка, мои джинсы, причитали все… пока не увидели кровь… На полу домика блестела большая

темно-красная лужа. Про куртки и джинсы тут же забыли. Сомнений не было: это кровь. Свежая кровь. Или все-таки нет?

На стенах красовались две большие надписи и несколько символов поменьше. Все коричневые. И поблекшие. Это уж точно кровь. Только старая. Не с этой ночи. Надпись на задней стене была видна сразу от входа. Она гласила: Братья греха. Первые буквы слов богато украшены завитушками, как монограмма какого-нибудь знатного семейства. Похоже, здесь кровью брызгали по шаблону. Из аэрозольного баллончика с кровью, что ли? А существуют ли вообще аэрозоли с кровью? Раньше такие вопросы мне бы и в голову не пришли. Обычно я сразу все смотрю в интернете. Нехватка информации ужасно мешает думать. Получается, что не думаешь, а только предполагаешь, пробираешься на ощупь. Всё равно как ехать по незнакомому лесу без нормальной карты.

Вторая надпись была на боковой стене над окном, тоже буквами с завитушками: «Орден зладейской низозти».

На надписи что-то блестело. В слове «зладейской» поверх «а» было нарисовано «о». Второе «з» в «низозти» зачеркнуто и рядом подписано «с». Эти буквы были свежими. Здесь и орфографию защищают кровавыми методами. Это делало ситуацию гораздо менее жуткой. Сатанисты со слабостью к правописанию – это почти как вампиры с брекетами. Но все же вопрос, откуда взялась эта кровь, оставался.

Одни девочки сделали пару шагов внутрь, другие толпились у входа, а я стояла позади всех и смотрела через головы. На грязном линолеумном полу виднелись грязные следы. Я смогла различить минимум пять разных рисунков протектора. А еще была половинка следа – кровавая. Отпечаталась только передняя часть ботинка.

– Нога дьявола! – воскликнула Красавица и тут же прикрыла рот рукой.

– По крайней мере, мы имеем дело не с вампиром, – заметила девчонка в клетчатых штанах и широко улыбнулась. – Вампир не стал бы так транжирить вкусную кровь, правда?

– Ты-то наверняка хорошо в вампирах разбираешься. С такими-то зубами!

Ощущения от шуток трехлошадной девицы – как если лизнуть колючую проволоку под напряжением. Ссориться с этой остромордой совсем не хотелось.

– Ты что, шутить пытаешься? Постарайся лучше дерьмом притвориться. Это у тебя могло бы неплохо получиться. – Очко явно в пользу девчонки с и правда очень большими зубами. Из ее огромных резцов можно было бы плитку для ванной сделать. Рот у нее едва закрывался, но это ей нисколько не мешало: она постоянно лыбилась, как будто ее внутреннее радио передавало одну юмористическую программу за другой. Она мне нравилась. У нее были хвост, ямочки на щеках и вот такие вот зубы.

– Черт! Мимико пропала, а вы тут цапаетесь! – подала голос маленькая Антония.

– Она дело говорит, – согласилась Бея.

Я присмотрелась к крови: она ниоткуда не вытекала и никуда не текла. Нигде не было ни брызг, ни потеков. Просто такое спокойное озерцо крови. Объемом по крайней мере… Такое мне сложно оценить. Если, например, вылить четыре пакета молока, получится лужа размером… Черт, понятия не имею, есть ли для этого какая-то формула? Литры на свертываемость равно площадь? И вообще, ведет ли себя кровь так же, как молоко? Я закрыла глаза и представила себя дома на кухне. Там у нас легко моющийся пол. Я мысленно открываю холодильник, достаю четыре пакета молока. А потом еще два. Силой мысли открываю их и опрокидываю один за другим на пол, который моя мама единолично выбрала, а папа единолично уложил. Уже из трех пакетов получилась лужа сравнимой величины. Предположим, что кровь гуще, сказала я себе. Тогда, наверное, здесь литра четыре крови. В среднем человеке крови от пяти до шести литров. Значит, это как если бы один тут полностью истек кровью или двое – наполовину. А где Мимико? И прежде чем моя воображаемая мать прибежала на воображаемую кухню, схватилась за голову и начала ругаться, девчонка с большими зубами толкнула меня в бок:

– Эй, ты спишь?

Я покачала головой и прошептала:

– Здесь наверняка не случилось ничего страшного. Просто кто-то вылил ведро с кровью. Может, даже не человеческой.

– Правда? – прошептала она в ответ. – Ты считаешь?

– Посмотри: никаких брызг, никаких других следов.

Она кивнула. Вся ее мимика выражала одобрение.

– Точно!

Мне вдруг стало тепло и хорошо.

– Я – Рика.

– А я – Шарлотта.

– Чарли, – улыбнулась она. – Окей! – и пожала мне руку.

Когда все девчонки вышли из домика, я сделала полшага внутрь и еще раз огляделась. Поставила ногу рядом со следами – явно больше, чем мои. А у меня ноги не маленькие. От внешнего края шли косые штрихи, внутри еще пара прямых линий. Потом – что-то вроде сот. Рисунок вроде знакомый… Это же конверсы! Черт, вот бы сейчас забить в поисковик «подошва конверсов, изображения»! А так пришлось снова закрыть глаза и мысленно двинуться по воображаемому коридору в нашем воображаемом доме. Поднять свои воображаемые конверсы и посмотреть на подошву… Точно: штриховка, линии, соты. Я знала!

Ну прекрасно, только определить человека по конверсам совершенно невозможно. Это как искать травинку в стоге сена. Иголку и ту найти легче.

Я подошла вплотную к луже крови посреди помещения. Лужа крови, поиск по изображениям. Свежая кровь, фото. Как быстро свертывается кровь? Отличается ли свиная кровь от человеческой по цвету?

От размышлений меня оторвала Бея.

– Решила полизать? Чтобы выяснить, употреблял ли кто-нибудь из этих сатанистов-кроликодавов алкоголь? Пошли отсюда, у нас собрание или типа того.

И она зашлепала наружу. На ней были конверсы. Серые. Почему она не в трекинговых ботинках? Это же стояло в списке из письма чуть ли не первым номером!

Выходя, я увидела над дверью еще один рисунок кровью. Кролик. Он был нарисован пальцем. Приехали! Отпечатки пальцев! Что дальше?

«Сатанисты-кроликодавы», сказала Бея. Но она же до этого не заходила внутрь, а снаружи рисунка не видно. Тут я вспомнила еще кое-что: Бея разбудила меня сообщением, что наши вещи пропали. Значит, она знала об этом прежде, чем мы здесь оказались! Я забарабанила указательным и средним пальцами по верхней губе. Вот это настоящая головоломка…

Где же наши вещи?

Почему они исчезли?

Кто это сделал?

Подозреваемые – все, кто в конверсах. Прежде всего – Бея.

Но зачем ей разливать кровь? Откуда она вообще ее взяла?

И где Мимико?

Желтые монахи стояли кружком и галдели все одновременно.

Утренний туман тем временем опустился на землю, и солнце как следует осветило скопление низеньких домиков. Я вдруг оказалась в очень красивом месте. Здесь можно было бы замечательно провести время. Птички радостно щебетали, их голоса задорно перегоняли друг друга, кувыркались в их маленьких пернатых горлышках. Толстый шмель-жаворонок жужжал в направлении леса.

– Короче, я бы сначала занялась поисками вещей.

– Нужно убираться отсюда немедленно.

– Да, но без своего рюкзака я никуда не пойду.

– Может, полицию вызвать?

– Как? Телефонов-то у нас нет.

– Надо валить! Сейчас же! Одна уже пропала, и эта кровь…

– Может, тут есть духи, – предположила Красавица, озираясь по сторонам.

– Либо Инкен убила Мимико, либо… – прошептала Антония.

– Либо Мимико – Инкен, или водитель – Мимико…

Это сказала девочка, которая до сих пор не проронила ни слова. На лицо ей свисали жирные волосы. Она была в коричневых замшевых штанах и черной мальчишеской рубашке.

– …или водитель – Инкен, или Инкен – водителя, – пока она перечисляла, голова у нее ритмично подергивалась и занавес из волос немного раздвигался, приоткрывая убийственно голубые глаза. Если бы я так выглядела, я бы точно постаралась что-нибудь в себе изменить. Ну голову уж точно мыла бы почаще.

– В любом случае это была не я. Мой нож-мультитул лежит в чемодане. Вместе с гравированной зажигалкой «Зиппо» и спальником на настоящем гусином пуху, – владелица трех лошадей загибала пальцы, перечисляя свое имущество. Чего у нее только не было – пальцев не хватит!

– Нож нужно носить при себе, – занавес из волос на секунду сдвинулся в сторону и тут же вернулся на прежнее место. На поясе ее замшевых штанов висели потертые ножны. Их явно не покупали специально для лагеря. Она носила их всегда.

– Не думаю, что тут произошло что-то страшное, – кто-то громко произнес мои слова, но точно не я. Рядом со мной стояла Рика и толкала меня в бок. Я не реагировала. – Ну вот, например, с этой кровью, – продолжала Рика, – нет никаких следов ни к этому месту, ни от него и никаких брызг. Выглядит все скорее так, будто кто-то вылил там ведро.

Все закивали. Я обрадовалась.

– Может, это часть программы лагеря. Тест или вроде того. Типа игры, – размышляла Рика.

– Но Мимико-то все равно пропала. И наши вещи. – Антония почесала свой маленький носик.

– Надо искать Инкен.

– Сначала – Мимико.

– Правда, надо бы полицию…

– Нет, никакой полиции, – перебила Бея. – Инкен нет. Ее нам искать здесь нечего.

– Откуда ты знаешь? – Три Лошади выставила вперед подбородок.

– Я уже искала. Ее тут нет.

– Тебе школа выживания уже не нужна, да? Ты что, индеец Я-Уже-Всё-Всё-Знаю?

– Ну, тебе-то лагерь явно срочно нужен. Индеец по имени Фиолетовый Раздор.

– Меня зовут Иветта. Если тебе интересно, как зовут твою новую лучшую подругу. Иветта. И с ней шутки плохи.

– Отлично, а я Бея. Мне очень нравится тебя слушать, особенно когда ты молчишь.

Наверняка так продолжалось бы еще долго, если бы Антония не заверещала:

– Автобус! Я слышу автобус! По-моему, он едет сюда. Вы слышите этот звук?

Сначала я слышала только плеск воды, а потом различила и шум автобуса.

Рика сказала:

– Мы ничего не услышим, если ты постоянно будешь кричать.

Антония обеими руками зажала себе рот.

И действительно, в лесу что-то тарахтело. Наш автобус. Или, по крайней мере, какой-то автобус.

– Вот черт! А я-то думала, они больше не появятся, – сказала Бея. Я, конечно, тоже не горела желанием снова видеть эту морозилку Инкен, но голод и мысли о завтраке подталкивали меня к компромиссам. Наверняка сейчас будет мятный чай от Смекалочки и парочка желтых булочек с изображением белки.

Мы двинулись ко входу в этот комплекс из домиков. Туда, где дорога выходила из леса, а потом просто обрывалась в песке.

Ворота представляли собой два угловатых кирпичных столба. Один слева, один справа. На глаз расстояние – как раз на ширину автобуса. Приблизительная высота – три метра. На каждом из столбов видны остатки верхней дуги. Ржавая гнутая вывеска. В середине большей части не хватало. Наверняка эта серединная часть висела где-нибудь в местном краеведческом музее. Или у какого-нибудь сумасшедшего коллекционера, который купил ее на eBay.

Буквы были вырезаны в металлическом листе насквозь, через них можно было смотреть в лес.

– АНАМ ОИП, – Иветта Три Лошади встряхнула головой. – Что это значит?

– Нужно читать с другой стороны, – шепнула я Рике.

Рика улыбнулась и легонько толкнула меня локтем.

Ободренная этим, я зашептала дальше:

– Это наверняка был пионерский лагерь. Возможно, имени Эрнста Тельмана[1 - Эрнст Тельман (1886–1944) – лидер немецких коммунистов, чье имя носила пионерская организация в ГДР. – Здесь и далее примеч. пер.].

Рика удивленно посмотрела на меня, и я добавила:

– Так назывался завод, где раньше работали мои родители. Это коммунист какой-то.

Так говорила моя бабушка. В последнее время она так говорила всегда, когда не могла вспомнить чье-нибудь имя. Даже когда щенилась соседская собака и песиков называли Шарик, Пушистик и Черныш, бабушка именовала их «коммунистами какими-то».

– Это нужно читать с другой стороны, – громко сказала Рика. – Наверняка тут было написано «Пионерский лагерь имени Эрнста Тельмана».

Говорить она действительно умеет.

– Откуда ты знаешь? – зашипела Иветта.

Рика быстро взглянула на меня и, кажется, еще до того, как я слегка покачала головой, сказала:

– Просто подумала. С помощью мозга. Это такая специальная штука, чтобы думать. В голове.

Я была рада, что Рика не стала привлекать ко мне внимания, и благодарно ей улыбнулась. Она ухмыльнулась в ответ.

Между деревьями показался автобус с надписью «Дикий лес для диких девчонок». Он протарахтел по сосновому лесу и остановился в самом конце дороги. Прямо перед нами. Передние колеса были уже почти в песке.

Спереди сидел только водитель, засаленный Бруно. Он немного помедлил, пялясь на нас через стекло, а потом вышел из машины.

– Где наши вещи? – спросила Иветта.

Он сказал, что не знает.

– Инкен будет позже. А пока надо разгрузить строительные материалы. Из салона и багажника. – Он закашлялся и указал волосатым пальцем на автобус. Потом сел на пенек и постарался к нему прирасти.

Мы сняли пледы и стали разгружать. По цепочке передавали друг другу доску за доской. Это были разобранные этажерки и шкафы, старые двери и просто доски. На некоторых, видимо, годами что-то лежало. На тех местах, куда свет не попадал, получились причудливые контуры. Я как-то делала нечто подобное в фотолаборатории у нас в школе. Листьями, которые мы насобирали у плотины. Только на фотобумаге, а не на досках, конечно. На одних досках ясно читались силуэты ключей. Где-то – тени замков. На других распознать силуэты было не так просто. Рамки, книги, портмоне? А потом я различила еще кое-что: цепочки, обручи для волос, браслеты.

После грязных досок пришла очередь старых реек, потом – потертых плинтусов. И наконец – огромных кусков брезента. Черных, с какими-то надписями. Где-то пять или шесть штук. Что там было написано, прочитать было невозможно, потому что куски были сложены.

– Из этого ничего не построишь, – сказала девочка с ножом на поясе замшевых штанов. Она показывала на гору того, что мы успели выгрузить, и рукав ее черной рубашки задрался. Верхняя часть руки у нее была белая. А ниже локтя – очень загорелая кожа. Лоб за занавесом из волос – бледный и прыщавый. Она не загорала специально. Она просто много времени проводила на воздухе и все время в этой рубашке с закатанными рукавами. Настоящая загадка… Откуда такой загар? Почему у нее такие волосы? И почему такие штаны, рубашка и нож? – Нам нужны саморезы, – сказала она водителю автобуса. – И отвертки.

– Вот там гвозди, – ответил он, показывая на очередной мешочек с котятками. – Молотков нет. Придется вам взять камни. Инкен скоро вернется.

Девочка с Ножом кивнула и снова погрузилась в молчание. Она была самая странная из всех. С большим отрывом.

Когда мы все выгрузили, Бруно попрощался. Он так и не сказал ничего нового, а только бубнил:

– Инкен вернется. Инкен сейчас будет. Очень скоро.

Иветта встала прямо перед ним, преградив дорогу, и угрожающе нацелила на него свой острый подбородок.

– Отвези нас на станцию! – сказала она.

Прозвучало это – при всем наличии трех или четырех лошадей – не очень-то воспитанно. Как будет правильно? Не могли бы вы отвезти нас на станцию? К тому же она даже не поинтересовалась, хотят ли туда остальные.

Водитель покачал головой и широким жестом показал вокруг:

– Да вот же, вот ваш лагерь. Все только начинается. Ваши родители ведь за это деньги платили.

Он залез в автобус, приподнял засаленную бейсболку и уехал.

Больше мы никогда его не видели.

Иветта успела бросить ему вслед, что ее отец подаст на него в суд за «невыполнение обязанностей по надзору за несовершеннолетними» и мало не покажется. Она даже немножко покраснела от злости. Это совершенно не шло к ее фиолетовым волосам. Я задумалась, как ее вообще сюда занесло.

Инекен не появилась ни «сейчас», ни «скоро». Нас это не радовало, но и не огорчало. Около полудня настроение изменилось. Голод – страшный зверь, который питается кроткими существами.

Некоторые девочки яростно выступали за то, чтобы остаться тут. В том числе Рика. Она сказала, что долго на этот лагерь копила и хочет здесь чему-нибудь

научиться.

– Ты на него копила? – переспросила Иветта. Как будто она никогда раньше таких слов не произносила.

– Да, и даже работала.

Было заметно, что Иветту это очень впечатлило, но она не хотела подавать виду и тут же вздернула свой острый носик:

– Что, автоматом по продаже билетов? Или пасхальным кроликом?

– Если хочешь знать – нет. Я продавала свое тело. – Рика медленно кивнула. – Зубным фетишистам.

Мы засмеялись. Легко и свободно – беззаботно. Иветта тоже засмеялась.

Кстати, она тоже была за то, чтобы остаться. Она сказала, что для начала Инкен должна вернуться и объяснить, что все это значит. Звучало очень по-взрослому. Так тупо! В смысле, у взрослых. Они постоянно ноют про выходные, а сами, когда наступают выходные, намывают сортир снаружи.

Когда мы стали голосовать, моя рука поднялась за то, чтобы остаться.

– Почему? – спросила я свою руку, потому что голова моя этого точно не знала. Обнаружилось восемь причин:

желание получить обратно свои вещи (там ведь папина спортивная куртка!);

желание подружиться с Рикой;

желание выяснить, кто эти сатанисты-кроликодавы (выяснить, это прыщавые двенадцатилетки или прыщавые как минимум пятнадцатилетки);

желание разузнать про Девочку с Ножом;

желание впечатлить Бею (а может, даже подружиться с ней);

нежелание ехать к бабушке (и куда бы то ни было еще);

желание знать (все!);

ЖЕЛАНИЕ!

Желание так и распирало! Оно рвалось наружу, как позыв к чиху. Наверное, в этот момент высвободился какой-то кусочек моего пубертата. Желание-нежелание. Что-то в этом духе.

За то, чтобы поехать домой, была только одна девочка. Красавица. Принцесса с каштановыми волосами, пухленькая, с круглыми красными щеками. Звали ее Аннушка. Она сказала, что родители у нее уехали и всем надо просто поехать к ней. Еды там достаточно. Это уж точно будет лучше, чем здесь. Она из области Рудных гор, а там вообще красиво.

Все это звучало очень разумно, но я все равно была против. Может, именно потому, что она казалась такой взрослой и говорила так мягко и умно. И потому, что у меня как раз прорвалось подростковое желание-нежелание.

Пять голосов за то, чтобы остаться, один – против. Кого-то не хватало. Я сразу поняла, что нет Беи, но ничего не сказала. Сейчас у меня рядом был кое-кто, кому надо было всего лишь намекнуть на то, чего я сама говорить не хотела. Я тихо сказала Рике, что нет Беи.

– Табеи нет! – объявила Рика.

Пока мы дискутировали, Бея незаметно скрылась в лесу. А пока мы обсуждали, почему люди здесь исчезают один за другим, Бея появилась снова. Она неожиданно возникла рядом: на плече – палка, на конце которой висит завязанный в узелок плед со Смекалочкой. Ну прямо сын мельника, которого послали в большой мир с узелком за спиной. Там у нее оказались малина, немного древесных грибов, крапива, одуванчики и прочие растения.

По-моему, Бея была круче некуда. Она, наверное, единственная из нас не постеснялась бы поздороваться с Чаком Норрисом.

– Это опята, от них может быть в животе нехорошо, – сказала Девочка с Ножом.

– Я знаю, – ответила Бея. – Я собираюсь их сварить, Фрайгунда.

– Фрайгунда? – переспросила Рика. – Серьезно? Без шуток?

Фрайгунда кивнула.

Откуда она взялась, эта Фрайгунда? В те края попадают на машине времени или как?

– Я сварю грибы, но для этого мне нужна кастрюля. Иветта, ты не знаешь, где ее раздобыть? – глаза у Беи смеялись.

Вместо указательного пальца Иветта воспользовалась подбородком.

– Вот эта вот говорила, что умеет работать мозгом. Пусть сама и ищет! – она не глядя показала на Рику. А Рика в свою очередь показала сначала большие зубы, а потом на меня. Мое сердце чуть не остановилось. Она же не выдаст сейчас, что с мозгом – это вообще-то я?

– Мы с Шарлоттой пойдем искать.

Тут сердце забилось снова. Сильно и радостно. «Мы с Шарлоттой», на мой слух, звучало замечательно.

– Можно с вами? – спросила маленькая Антония.

«Шарлотта, Рика и маленькая Антония» звучало уже не так замечательно, немножко отдавало чем-то вроде «папа-мама-я-счастливая семья», но да ладно, ничего.

Я кивнула.

– Еще воды принесите! – крикнула нам вслед Бея.

Я кивнула. Черт, это был самый крутой кивок в моей жизни!

У Антонии был план.

– Надо найти наши вещи. В мешке, который я вчера несла, по-моему, был котелок. Мешок был совсем легкий, но с чем-то твердым внутри. И звук был такой… такой пустой.

– То есть ты слышишь котелки через брезентовые мешки? – Рика улыбнулась.

Мы шли мимо домика с крышей из волнистого пластика. Зонтик Инкен все еще стоял там. Почему она его не взяла?

Большая поляна посреди лагеря. За ней – еще два ряда домиков.

– Будет вообще, если Инкен так и не вернется, – сказала Антония.

– Вообще что? – поинтересовалась Рика.

– Просто вообще. Так говорят, – пояснила Антония.

Мы подошли к вытянутому строению с трубой. Это наверняка был кухонный блок. Если где-то и есть котелки, то именно там. Дверь оказалась заперта. Рика налегла на нее, но это ничего не дало. Как и на других дверях в лагере, здесь тоже был новый засов с висячим замком. Там, где саморезы ввинчивались в дверь и косяк, дерево треснуло, и этим светлым трещинкам была максимум пара недель.

Мы разбили заколоченное окно тяжелым суком, и Антония, встав мне на плечи, залезла внутрь. Рика – за ней. Я осталась снаружи. Прошло всего несколько минут, и раздался писк Антонии:

– Котелков нигде не видно!

Потом послышалось хихиканье.

– Зато есть ведро!

Что-то грохотнуло.

– Осторожно! Желтый летающий объект! – крикнула Рика, и из окна вылетело желтое ведро. Оно приземлилось на ковер из хвои и песка у моих ног.

– Можешь уже идти за водой, – показалась улыбающаяся голова Рики.

Вообще-то идти одной за водой мне не хотелось. «Вообще-то давай без вообще-то», – говорит моя мама на каждое мое «вообще-то». Так что я отправилась за водой. На ведре было написано «Пасека Дитрих, Правен 7». А под надписью – пчела с таким же ведром. Право, обязанность, долг, подумала я. Край ведра, как мне показалось, был немножко испачкан чем-то красным. Плохо вытерто. Неужели там была кровь? Она что, из Правена? И где этот Правен находится?

В таких размышлениях я двигалась в ту сторону, откуда постоянно слышался плеск, который я заметила еще ночью. Не мог же это быть писающий слон. Слон бы уже давно все выписал из себя и лежал сдувшийся, как коврик у кровати. Но пахло действительно мочой или чем похуже.

Идти надо было мимо домика, куда мы сложили свои сумки. С утра там всё выглядело так, будто кабаны потанцевали. В общем, кошмар для следопыта: взволнованные девчонки, шесть – в трекинговых ботинках, одна – в конверсах. Разобрать хоть что-нибудь было практически невозможно. И тут мне захотелось, как будто в комиксе, протереть глаза и взглянуть еще раз. Что это? Это был не мираж? Это же наши сумки! Сонно лежат как миленькие, привалившись друг к другу. Прямо на виду. Следы вокруг подтерты. Значит, здесь кто-то прибирался. Подчищено до самых кустов за домиком.

Я быстро глянула в свой рюкзак: всё ли на месте?

Что всё это такое? Дело рук сатанистов-кроликодавов? Они всё еще где-то рядом? Представляю себе, как они ухмылялись, занимаясь всем этим, – так что брекеты сверкали на солнце. Только зачем им было исправлять собственные

надписи? И почему они не украли сумки? Могла ли Бея устроить все это, пока якобы собирала грибы?

Я стала бы настоящим гигантом в глазах всех, если бы объявила, что наши вещи здесь. Хотя чего уж, гигантом я была и так. Я вспомнила, как Иветта Три Лошади назвала меня «маяком», и снова тут же покраснела. На этот раз от ярости.

Я просто расскажу об этом Рике, а она объявит всем. Надев спортивную куртку с эмблемой добровольной пожарной дружины города Берница, я пошла дальше. Мне же надо было воды принести.

Писающий слон, судя по всему, стоял за следующим корпусом. Я шла на звук, мимо стрекочущих сверчков и чирикающих птиц. Только урчание тише не становилось. Потому что теперь это был мой живот.

Перед таким же длинным корпусом, как кухонный блок, из земли торчала водопроводная труба. Метра четыре длиной, загнутая, словно плоские ворота из какой-то еще не изобретенной спортивной игры. Плоскобол. Из трубы торчало восемь кранов. Из двух постоянно текла вода. На земле уже образовалась солидная лужа, почти пруд. Некоторое время я просто стояла с ведром в руке, а потом решилась. Быстро сняла ботинки и штаны, попробовала ногой, насколько холодная вода. Она текла глубоко из-под земли, и в ней как будто купался ночной холод. Я тут же вся покрылась мурашками, до самых подмышек. Чтобы добраться до кранов, пришлось идти вброд по колено в воде. Закрутить эти чертовы штуки у меня не получилось, сколько я ни старалась. Вот блин! Выглядело все так, будто кто-то бил по ним молотком. Кое-где были видны серебристые царапины.

Я было уже сдалась и хотела выйти из пруда, но тут моя нога отдернулась быстрее, чем голова успела что-то осознать.

Там что-то было.

В воде.

Мягкое.

Большое.

Я взвизгнула, сделала шаг и… снова на это наступила! Что бы это ни было! Там что-то лежало. Или кто-то… Мне хотелось убежать, но на этот раз голова оказалась быстрее ног. Я развернулась, поскользнулась и чуть не грохнулась. Угодила рукой в воду, тут же поднялась и рванула. Схватив штаны и ботинки, я понеслась к кухонному блоку. Там уже никого не было, и я понеслась дальше…

Посреди лагеря я остановилась, чтобы перевести дух. Для начала – надеть штаны и ботинки. Может, я наступила на Инкен? Или это Мимико? Куда они обе пропали? Не могла же Инкен просто так бросить нас здесь одних. Почему там течет вода? И что это за фокус с нашими вещами?

Когда я наконец увидела остальных девочек, они стояли кружком и рассматривали что-то посередине. Что-то или кого-то. Я остановилась и для начала набрала воздуха… И тут услышала голос Инкен:

– Это опята, Фрайгунда права. И вообще никакие грибы не следует есть в сыром виде. – В этот момент я увидела ее голову. Ее как будто приклеенную прическу.

– Воду принесла? – спросила меня Бея.

Я оглядела себя. В руке у меня было пустое ведро с нарисованной пчелой.

То, что собрала Бея, мы есть не стали. Всего два дня спустя из такой добычи Рика приготовила бы отличный ужин. Но в тот момент мы всё выбросили за забор. Животным.

У Инкен были банки с вареньем и медом и мини-упаковочки ливерной колбасы. А еще булочки, но тоже очень маленькие.

Она говорила и говорила, а мы сметали одну крошечную булочку с колбасой за другой. Я вспомнила, где видела такие кукольных размеров булочки раньше. Как-то мама приносила похожие из отеля. Там отменили какую-то конференцию, и поэтому булочки в буфете не пригодились.

Инкен отвечала на вопросы, которые нас волновали, не дожидаясь, пока мы их зададим. Мимико – да, у нее некоторые симптомы были еще прошлой ночью. Ее вырвало сразу по приезде. Родители на что-то такое намекали. Наверняка ее забрали.

Точно ли это известно, спросила Антония.

– Наверняка, – сказала Инкен. – Ее родители не хотели подписывать согласие на то, чтобы Мимико ехала в лагерь без мобильного телефона. С ней ничего не случится. У нее же есть телефон! – и она рассмеялась своим тюленьим смехом. Но в глазах смеха не было.

Что за бред? Яме в земле все равно, есть у тебя телефон или нет, – как все равно это маньяку, или волку, или урагану, или падающему дереву.

Между тем девочки рассказали про кровавые надписи и спросили про вещи. Я не стала говорить, что они снова на месте. Мне было слишком интересно, как отреагирует Инкен. Она была искренне удивлена. Я прекрасно знаю, как выглядит неискреннее удивление. Многие в такой ситуации брови хмурят, а не поднимают. Моя мать – лучшая плохая актриса, какую я только знаю. По ней прекрасно можно изучать неестественную мимику.

Инкен сказала:

– Что? Исчезли? – и снова засмеялась. Она развела руками и стала размахивать ими вправо-влево, как опахалами. – Я не могу сказать вам, где вещи. К сожалению, к большому сожалению. Значит, это будет наше первое приключение здесь. Спорю, это дело рук Мимико. – Опахала снова превратились в руки. – А эти надписи кровью, – отмахнулась она, – они уже много лет здесь. Это местные идиоты.

– Нет, там свежая кровь. Целая лужа! – Антония была очень взволнована. – И надписи тоже. Совсем свежие. Сто процентов!

Инкен оскалила зубы и сказала, что это, наверное, кто-то позволил себе пошутить. На Бруно такое вполне похоже. Он якобы странный малый.

Она сказала это так, словно Бруно иногда, как ребенок, показывает пять пальцев и говорит, что ему уже три года. «Странный малый» ассоциировалось у меня в первую очередь с медведем в кухонном фартуке.

– Мы потом пойдем и все посмотрим, девочки! Но сначала у нас прием пищи. И еще надо заняться знакомством – нужно же нам друг другу представиться. – Она кивнула, обращаясь ко всем. – Я – Инкен. Живу в Кранфельде, под Берлином. Мне тридцать шесть лет. Мои увлечения – коллекционирование, кошки и природа. Я здесь, чтобы показать вам, как выживать в условиях, когда можно полагаться только на свои силы. Кто следующий? – она сунула в рот мини-булочку и стала ждать.

Ни от чего не краснеешь так, как от подобных представлений. Сейчас все снова станут смеяться и называть меня маяком.

Рядом со мной щелкнула пальцами Рика.

– Я – Фредерика Бурмайстер, из Берлина. Моабит[2 - Район в центре Берлина. Известен расположенной на его территории одноименной тюрьмой.], – она подняла кулак. И улыбнулась. – Я играю в группе на гитаре, – снова кулак. – Называется «Спокойно! Это ограбление!». Мы делаем такой панк-ска-регги-гранж. Моя мать работает на телевидении и хочет попытаться привести нас на какое-нибудь шоу. В нашей группе на фейсбуке уже двести три подписчика. Когда вернемся домой, – тут она потыкала пальцем в воздухе, – не забудьте нажать «мне нравится». «Спокойно! Это ограбление!» – Тут она еще что-то вспомнила: – Сайт у нас тоже есть.

Я сидела рядом с Рикой и пыталась привести свои мысли в порядок. Меня зовут Шарлотта… Мое имя – Шарлотта… Я – Шарлотта Новак… Сердце у меня готово было выпрыгнуть из груди.

– Меня зовут… – начала я, но с другой стороны от Рики Иветта выставила вперед свой острый подбородок и заговорила – громче, чем я.

– Я – Иветта, мне пятнадцать лет. Живу в Кляйнмахнове[3 - Муниципальный округ в земле Бранденбург, в 16 км от Потсдама и 17 км от центра Берлина.]

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Эрнст Тельман (1886–1944) – лидер немецких коммунистов, чье имя носила пионерская организация в ГДР. – Здесь и далее примеч. пер.

2

Район в центре Берлина. Известен расположенной на его территории одноименной тюрьмой.

3

Муниципальный округ в земле Бранденбург, в 16 км от Потсдама и 17 км от центра Берлина.

Купить: https://tellnovel.com/fuks_kirsten/svora-devchonok

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити